

ЭВОЛЮЦІЯ ГЮИСМАНСА.

Мрачный пессимистъ, унылый неврастеникъ, скучающій мизантропъ—Жюисъ-Карль Гюисмансъ является однимъ изъ типичныхъ «сыновъ вѣка», но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ талантливый писатель, непрестанно стремящійся къ невѣдомому идеалу, онъ представляетъ собою одну изъ самыхъ интересныхъ и оригинальныхъ фигуръ литературнаго міра Франціи.

Въ первыхъ произведеніяхъ Гюисмансъ высказываетъ себя до нѣкоторой степени подражателемъ Флобера и бр. Гонкуровъ. Онъ стремится къ «красочности» фразы, а въ его повѣстяхъ фигурируютъ ординарные люди, переживающіе ординарныя событія. Такой родъ литературы ввели въ моду бр. Гонкуры, требовавшіе, чтобы романъ былъ простымъ пересказомъ самой обыденной жизни.

Это требованіе Гюисмансъ выполнилъ съ особымъ искусствомъ въ одной изъ самыхъ своихъ парадоксальныхъ новеллъ «A vu l'eau». Здѣсь нѣтъ никакого сюжета. Разсказывается просто повседневная жизнь бѣднаго министерскаго чиновника, старѣющаго холостяка. Онъ скучаетъ, хандритъ, идетъ разъ въ театръ, принимаетъ ванну, проводитъ ночь у проститутки...

Стремясь произвести впечатлѣніе полной дѣйствительности, авторъ намѣренно придаетъ угрюмую, сѣрую окраску всему окружающему, лишаетъ разсказъ всякаго движенія и, остановивъ повѣствованіе на полусловѣ, предоставляетъ дѣйствующимъ лицамъ тонуть въ сумрачныхъ будняхъ, откуда силой фантазіи художника они были взяты на мгновеніе и представлены взорамъ читателя.

Вникая въ жизнь, Гюисмансъ приходитъ къ нерадостнымъ результатамъ. Люди кажутся ему пустыми, бездушными существами, живущими сѣро, тривіально, безъ всякихъ идеаловъ. Уже въ молодости теряютъ они душевное равновѣсіе, чувствуютъ себя усталыми и умственно безсильными. Безъ борьбы, безъ муки тонутъ они въ житейской тинѣ.

Этотъ взглядъ Гюисмансъ подтверждаетъ своими романами «En Menage» и «Soeurs Vatarde». Въ первомъ рисуются отношенія къ браку современныхъ людей. Передъ читателемъ проходитъ цѣлый рядъ законныхъ и незаконныхъ сожителствъ.

Нѣкій писатель Андрэ женится, потому что чувствуетъ, какъ житейская грязь понемногу затягиваетъ его. Въ немъ еще живетъ не

то чтобы стремленіе къ идеалу, но кое-какія иллюзіи. Въ концѣ романа жена измѣняетъ ему; онъ возобновляетъ холостую жизнь и по уши уходитъ въ ту грязь, изъ которой когда-то мечталъ освободиться, съ которой теперь примиряется навсегда.

Другое дѣйствующее лицо романа, художникъ Кипріанъ, относится скептически къ браку. Онъ хочетъ оставаться свободнымъ, чтобы работать, чтобы не видѣть вѣчно подлѣ себя другого человѣка, вмѣшивающагося въ его внутреннюю жизнь. Случайно онъ сталкивается съ женщиной, ищущей, какъ и онъ, покоя и комфорта. Они начинаютъ совмѣстную жизнь, и понемногу художникъ забываетъ свои порывы, стремленія, становясь самымъ пошлымъ буржуа, восхищающимся кулинарными талантами своей сожительницы. Житейская грязь и пошлость поглощаютъ и его.

Въ «*Sœurs Vatar*» Гюисмансъ тоже выводитъ два параллельныхъ существованія. Сестры Ватаръ работаютъ на фабрикѣ. Одна отдается влеченію своего бурнаго темперамента, другая ведетъ скромный образъ жизни и выходитъ замужъ. Но, несмотря на столь противоположныя дороги, онѣ приходятъ обѣ къ одному и тому же — духовной смерти.

Придя къ печальному выводу, что современная жизнь губитъ все высокое, чистое въ человѣческой душѣ, Гюисмансъ начинаетъ искать спасенія, стремится найти нѣчто такое, что способствовало бы возрожденію человѣчества. Вся послѣдующая литературная дѣятельность писателя представляетъ именно это исканіе.

Уже неразъ высокіе, благородные умы призывали человѣчество возвратиться на мирное лоно природы. Гюисмансъ тоже дѣлаетъ такую попытку, но приходитъ къ безрадостнымъ результатамъ. Его романъ «*En Rade*» («Въ гавани»), вопреки общепринятому мнѣнію, доказываетъ, что для современной интеллигенціи, для городского жителя не можетъ быть полнаго слиянія съ природой.

Одинъ изъ представителей современной интеллигенціи Жанъ, измученный, истерзанный столичной жизнью бѣжитъ въ деревню съ своей нервной женой. Супружеская чета поселяется въ старинномъ замкѣ, аредуемомъ ихъ родственникомъ, крестьяниномъ Антуаномъ, который самъ съ женой живетъ попрежнему въ деревенской избѣ.

Такимъ образомъ, на сцену опять выдвигаются два параллельныхъ существованія — деревенскихъ и городскихъ жителей, два совершенно противоположныхъ міра.

Устроившись въ своей «гавани», Жанъ отдается сладостнымъ мечтамъ, которыя разбиваются въ прахъ при первомъ столкновеніи съ дѣйствительностью. Природа жестоко индифферентна, почти враждебна къ тѣмъ, кто не обрабатываетъ ея, не поливаетъ ея своимъ потомъ. Крестьяне же охарактеризованы Гюисмансомъ еще болѣе отталкивающе, чѣмъ крестьяне въ романѣ Зола «Земля». Единственнымъ стимуломъ въ ихъ жизни является расчетъ, жажда къ наживѣ. Съ первыхъ же дней парижанъ начинаютъ обманывать и обворовывать безъ всякаго зазрѣнія совѣсти. Обманомъ занимаются не только посторонніе крестьяне, но и самъ дядюшка Антуанъ со своими присными. Вскорѣ Жанъ убѣждается, что, кромѣ грубости, жадности и полной душевной черствости, въ этихъ людяхъ ничего искать нельзя, и что душевный

покой, обновленіе путемъ сліянiя съ «черноземной силой» совершенно немислимы.

Теорія Жанъ-Жака Руссо и Льва Толстого на практикѣ, по мнѣнію Гюисманса, оказывается совершенно несостоятельной. Для обновленія человѣчества слѣдуетъ избрать другой путь. Путь этотъ долженъ быть полной противоположностью первому. Не возвращеніе къ природѣ, къ первобытному существованію можетъ возратить человѣчеству утраченные имъ идеалы, а наоборотъ, наибольшее удаленіе отъ того и другого, устройство міра искусственнаго, который отъ начала до конца былъ бы созданиемъ фантазіи самого человѣка.

Такой полный искусственности міръ создаетъ Жанъ д'Эзесентъ, герой романа «A rebours» («Наизнанку»). Послѣ одинокаго грустнаго дѣтства и бурной порочной молодости, Жанъ д'Эзесентъ, молодой человѣкъ лѣтъ тридцати, блѣдный, анемичный, съ развинченными нервами, чувствуетъ глубокое отвращеніе къ грубой дѣйствительности и къ человѣчеству. Желая уйти отъ мірской суеты, отъ человѣческой глупости, онъ создаетъ неподвижный, покойный ковчегъ, комфортабельный уголокъ, въ которомъ даетъ волю своимъ ультраэстетическимъ наклонностямъ.

По его мнѣнію, природа отжила свое время и вконецъ истощила терпѣніе людей утомительнымъ однообразіемъ своихъ небесъ и пейзажей. Любители прекраснаго должны придти на помощь человѣчеству и замѣнить природу искусствомъ. Съ этой цѣлью онъ устраивается въ высшей степени своеобразно въ окрестностяхъ Парижа, причемъ переиначиваетъ весь образъ жизни, приноравливаясь, главнымъ образомъ, къ потребностямъ своихъ измученныхъ нервовъ. Обивка мебели, напри- мѣръ, не можетъ быть ни голубой, ни красной, ни желтой, такъ какъ голубой и синій цвѣта могутъ ласкать только взоры мечтателей, желтый же и красный дѣйствуютъ привлекательно лишь на людей физически здоровыхъ, жизнерадостныхъ. Люди чуткіе, нервно-утомленные склонны ко всему призрачному, болѣзненно-блѣдному, лихорадочно-блестящему, однимъ словомъ... къ цвѣту оранжевому.

Образъ жизни д'Эзесента, конечно, тоже «противоестественный». Онъ встаетъ въ пять часовъ вечера, обѣдаетъ въ 11 часовъ, во время работы пьетъ вино и кофе, въ пять часовъ утра ужинаетъ и, когда наступаетъ разсвѣтъ, ложится спать.

Его столовая напоминаетъ своимъ устройствомъ каютъ-компанію на суднѣ, кругомъ которой идетъ акваріумъ съ морской водой, морскими растеніями и подѣльными рыбами. Такимъ образомъ, глядя въ окна, можно думать, что путешествуешь по океану.

Въ часы припадковъ меланхоліи д'Эзесентъ развлекается, устраивая симфоніи изъ ликеровъ или духовъ. Каждый ливеръ напоминаетъ ему звукъ какого-нибудь инструмента: кюрассо, напри- мѣръ, своимъ бархатистымъ и вмѣстѣ острымъ вкусомъ напоминаетъ кларнетъ, кюммель—гобой, джинъ и виски соотвѣтствуютъ тромбону и пистону и т. д.

Онъ окружаетъ себя также цвѣтами и растеніями, но не банальными розами или орхидеями, а вычурными, странными тепличными растеніями, внушающими ужасъ и отвращеніе своими неопредѣленными полуживыми формами. Онъ золотитъ и украшаетъ драгоценными каменьями щитъ черепахи, чтобы она, ползая по ковру, смягчала слишкомъ яркія

краски ковра; однако, черепаха не выдерживаетъ этого эксперимента и околѣваетъ подъ тяжестью драгоценностей...

Такъ течетъ утонченно-праздная, уныло-безплодная жизнь «наизнанку» этого маниака, пока Гюисмансъ, разочаровавшись, не прекращаетъ ея. По предписанію врача д'Эзесентъ переѣзжаетъ въ Парижъ, чтобы начать болѣе здоровый и въ то же время болѣе будничный образъ жизни. Итакъ, еще одной мечтой на спасеніе человѣчества меньше. Искусственность, какъ и возвращеніе къ природѣ, очевидно, не можетъ возродить людей. Въ чемъ же искать спасенія?

Гюисмансъ обращается къ старому, какъ міръ, средству—къ религіи. Но, вслѣдствіе своей склонности ко всему причудливому, онъ сперва хватается за религію не съ того конца. Въмѣсто того, чтобы обратиться къ католичеству—религіи, въ которой онъ воспитался, Гюисмансъ ищетъ удовлетворенія въ демонизмѣ.

Сатанизмъ, черная месса, полный курсъ демонологіи—все это имѣется въ его романѣ «Là-bas» («Тамъ внизу»). Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является писатель, который наводится на мысль о сатанизмѣ старымъ звонаремъ, живущимъ на колокольнѣ St. Sulpice. Этотъ звонарь, артистъ своего дѣла, рассказываетъ писателю Дюрталю нѣкоторыя подробности о современномъ служеніи сатанѣ въ Парижѣ. Дюрталю завязываетъ сношенія со служителями сатаны и, увлекшись одной изъ жриць, становится однимъ изъ партизановъ культа.

Гюисмансъ описываетъ со всѣми отвратительными подробностями черную мессу и выставляетъ во всей наготѣ чувственную сторону демонизма. Узнавъ всю мерзость и грязь этого чудовищнаго культа, Гюисмансъ или Дюрталь, какъ именуется онъ въ романѣ, разочарованный, отворачивается отъ него, видя, что и этотъ способъ возрожденія человѣчества несостоятеленъ, какъ и другіе.

Тогда, со свойственной ему неожиданностью и внезапностью, Гюисмансъ переходитъ къ католической религіи. Вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ романа «Là-bas», въ 1892 году, онъ вступилъ въ монастырь траппистовъ въ Иньи. Это обращеніе совершилось въ немъ во время писанія книги «En Route» («Въ пути»). Эта книга полна описаній монастырей, часовень, католическаго богослуженія. А между тѣмъ, восемь лѣтъ тому назадъ, какъ признается самъ Гюисмансъ въ предисловіи къ новому изданію «A rebours» въ 1904 году, онъ совершенно былъ чуждъ религіи. «...Я никогда не заходилъ въ церковь, я не зналъ ни одного вѣрующаго католика, ни одного священника, я не испытывалъ ни малѣйшаго влеченія къ религіи и жилъ спокойно въ своемъ ослѣпленіи».

Какъ совершился въ немъ этотъ переворотъ, онъ объясняетъ въ томъ же предисловіи. «Когда я писалъ «A rebours», во мнѣ происходила какъ бы подготовка почвы... Я иногда чувствовалъ содроганія души, но эти содроганія не были ни мучительны, ни опредѣленны: ихъ вызывали богослуженіе, мистика, искусство; чаще всего это происходило въ церквахъ и въ особенности въ церкви св. Северина, куда я заходилъ отчасти изъ любопытства, отчасти изъ праздности. Присутствуя при церемоніяхъ, я испытывалъ легкое трепетаніе, чуть замѣтное внутреннее волненіе, которое всегда бываетъ при видѣ или при чтеніи прекраснаго произведенія искусства.

«Лишь мало-по-малу очищался я отъ грѣха; я сталъ противенъ самому себѣ, но я все еще противился религіи. Доводы, которые я себѣ дѣлалъ, казались мнѣ неотразимыми, на однажды, проснувшись, они вдругъ, непонятнымъ образомъ, разрѣшились. Въ первый разъ сталъ я молиться, и взрывъ совершился».

Несмотря на нѣкоторую неопредѣленность этой исповѣди, мы все же можемъ предположить, что обращеніе Гюисманса совершилось благодаря искусству и отвращенію къ тому образу жизни, который онъ велъ.

Отвращеніе къ пошлой чувственной жизни было настолько сильно въ писателѣ, что онъ не остановился на полпути своей набожности, но сразу же превратился въ мистика. Онъ обратился къ самымъ строгимъ, самымъ аскетическимъ монахамъ, къ траппистамъ. Онъ презираетъ половинчатую набожность обыкновенныхъ людей и стремится къ достиженію высшихъ добродѣтелей, къ совершенію сверхъестественныхъ подвиговъ. Эти идеи проходятъ въ его романахъ, появившихся послѣ «En Route»: въ «La Cathedrale», «L'oblat». Въ нихъ Гюисмансъ является не столько добрымъ христіаниномъ, сколько строгимъ католикомъ. Слѣдуетъ еще замѣтить, что евангельская мораль ни утѣшила, ни умиротворила его; вѣра не коснулась его еретическаго любопытства; онъ попрежнему является передъ нами недисциплинированнымъ, причудливымъ, озлобленнымъ, пожалуй даже антихристіаниномъ.

Такимъ же мизантропомъ и эгоистомъ является Гюисмансъ въ своей послѣдней книгѣ «Les Foules de Lourdes» («Толпы Лурда»), вышедшей мѣсяца два тому назадъ. Христіанинъ Гюисмансъ, какъ и сатанистъ Дюрталь (герой романа «Là-bas») въ одинаковой степени ненавидятъ свое время и презираютъ ничтожество людей. Созерцаніе Лурда приводит автора «къ неумолимому отвращенію къ своей эпохѣ». Лучше было бы ему не жить.

«...Въ этотъ часъ, когда общество рушится и разсѣдается по всѣмъ скрѣпамъ, когда вселенная, зараженная зачатками соблазна, мечется безпокойно въ ожиданіи родовъ; въ этотъ часъ, когда ясно слышится, позади мрака горизонта протяжный похоронный перезвонъ»...

Среди ночи, охватившей міръ, Гюисмансъ различаетъ лишь отвратительныхъ людей порока. Онъ ненавидитъ эпоху, ненавидитъ набожныхъ, «церковниковъ», толпу. Этимъ онъ напоминаетъ нѣсколько Вагнера, который на прогулкѣ у городскихъ воротъ говоритъ Фаусту:

Mit euch, Herr Doctor, zu spazieren,
Ist ehrenvoll und ist Gewinn;
Doch würd'ich nicht allein mich her verlieren,
Weil ich ein Feind von allem Rehen bin *).

Вслѣдствіе этой беспощадной ненависти получается такая аномалія: тогда какъ у рационалиста Зола описаніе Лурда какъ бы проникнуто религіозной сентиментальностью, чувствуется состраданіе къ страждущимъ, вѣрующій Гюисмансъ даетъ блестящія картины, которыя можно принять за образцы позитивнаго искусства.

*) Прогуливаться съ вами, господинъ докторъ, составляетъ для меня честь и пользу, но никогда одинъ я не пошелъ бы, такъ какъ я врагъ всего грубаго.

Позитивизмъ Гюисманса уже виденъ въ тѣхъ мелочахъ, при помощи которыхъ онъ восстанавливаетъ исторію Лурда: «Явленія 1898 года, — говоритъ онъ, — есть не что иное какъ одно изъ дополненій болѣе древнихъ явленій». Затѣмъ мы узнаемъ, что часовня Богоматери Геасъ, близъ цирка Гаварни (въ Пиринеяхъ), была въ Средніе вѣка мѣстомъ паломничества, что Богоматерь Пьетать въ Барбазанѣ совершила множество чудесъ, что образъ Арренской Божіей Матери привлекалъ толпы народа, тогда какъ ранѣе передъ нимъ склонялись только крестьянки, и такъ далѣе; онъ рассказываетъ со всѣми подробностями чудесныя исторіи, случившіяся въ разныхъ мѣстахъ въ окрестностяхъ Лурда, и когда начинается рассказъ о явленіи Богоматери въ Лурдѣ, читатель нисколько не удивляется, — дѣйствительно, кажется почти необходимымъ, чтобы чудо совершилось въ Лурдѣ, разъ чудеса произошли во всѣхъ сосѣднихъ городахъ.

Вся эта часть написана Гюисмансомъ въ нѣсколько агрессивномъ тонѣ и для любителя можетъ послужить отличнымъ полемическимъ матеріаломъ. Однако, центр тяжести книги не въ этомъ, а въ великолѣпныхъ картинахъ лурдской жизни.

Вотъ, на примѣръ, описаніе прибытія живописныхъ бретонцевъ, непослушнаго стада, ведомаго священниками, которые «снуютъ вокругъ него, какъ сторожевыя собаки».

«Толстыя или костистыя женщины, цвѣтъ кожи которыхъ напоминаетъ луковичную шелуху, просоленные морскими брызгами, съ голубыми или зеленоватыми глазами, молодыя дѣвушки съ птичьими головами, съ крѣпкими черепами, закутанными въ огромные чепцы, ихъ юбки обшиты каемкой яркаго розоваго цвѣта или кричащаго фіолетоваго...

«Въ этой неимовѣрной сутолокѣ, стоящей на мосту и на улицахъ, видны безногіе, безрукіе, безобразныя дѣти, съ переломанными членами, старики, отвратительныя зобы которыхъ висятъ подобно чудовищнымъ грушамъ, старыя женщины»...

Во время сезона паломничества здѣсь можно встрѣтить людей, пришедшихъ изъ всѣхъ мѣстъ католическаго міра. Вотъ бельгійцы съ черными, желтыми и красными кокардами, бургундцы съ такими же значками и металлическими крестами, берришонцы съ приколотой на голубоватомъ фонѣ бѣлой маргариткой, почтенные голландцы, испанцы...

Всѣ эти люди двигаются толпами, точно на ярмаркѣ; они наводняютъ базилику, церкви, отели, госпитали; они бродятъ по городу, шагая въ темпъ распѣваемыхъ молитвъ.

Гюисмансъ видѣлъ здѣсь «провинціальныхъ ханжей, которые стараются другъ передъ другомъ достать побольше воды изъ источника, сдѣлать большее количество круговъ по дорогѣ Креста; святоши, производящіе столь отталкивающее впечатлѣніе въ парижскихъ часовняхъ, становятся положительно невозможными въ Лурдѣ. Они совершенно разнуздываются здѣсь».

Гюисмансъ видѣлъ священниковъ, «похожихъ на висѣльниковъ», «экзотическаго епископа: атакованный женщинами, онъ раздаетъ направо и налево благословенія, одѣляетъ конфетами и видимо сильно польщенъ своимъ успѣхомъ».

Онъ встрѣчалъ аббатисъ, безсовѣстно выставлявшихъ на видъ свое

благочестіе, маніаковъ-ханжей. Онъ подробно описываетъ процессіи носилокъ, на которыхъ лежатъ какіе-то доскутья тѣла вмѣсто людей; Гюисмансъ не щадитъ эстетическаго чувства читателя и подробно, образно описываетъ всѣ язвы, всѣ раны больныхъ. Отъ этого зрѣлища нѣкоторымъ отдыхомъ служитъ описаніе лурдскихъ кафѣ, которыя Гюисмансъ предпочитаетъ парижскимъ кафѣ на бульварахъ. Въ лурдскихъ кафѣ посѣтители группируются по національностямъ:

«Испанскіе священники курятъ сигаретки, шутятъ со своими соотечественниками, которые улыбаются толпѣ, глотая мороженое или попивая шоколадъ; недалеко отъ нихъ сидятъ бельгійцы, приготавливаясь пить пиво и курить сигары; еще далѣе небольшая группа голландцевъ пьетъ чай и тоже курить сигары».

Эти представители разныхъ народностей, которые въ чужомъ краю стараются сохранить привычки, привитыя имъ на родинѣ, нѣсколько успокоиваютъ Гюисманса и онъ на время примиряется съ ничтожностью человѣчества...

Точность и правдивость описаній Гюисманса удивительны: его не пугаетъ, что иногда его произведеніе напоминаетъ протоколъ. Онъ искренно радуется, когда находитъ какую-нибудь ошибку, сдѣланную Зола. Гюисмансъ выражаетъ опасеніе, какъ бы читатель, полагаясь на Зола, не подумалъ, что бассейны, въ которыхъ купаются больные, недостаточно широки или страдаютъ отсутствіемъ свѣта и воздуха: Зола видѣлъ и показываетъ намъ только «дешевыя купальни». И Гюисмансъ съ мельчайшими подробностями описываетъ бассейны, гдѣ больные получаютъ исцѣленіе. Благодаря этимъ описаніямъ, сдѣланнымъ съ протокольной точностью, благодаря большому количеству новыхъ данныхъ, сообщаемыхъ Гюисмансомъ, приходится повѣрить, что Зола въ описаніи Лурда погрѣшилъ противъ истины, увлекшись поэзіей. Прибавимъ къ этому, что благодаря Гюисмансу Лурдъ теряетъ по крайней мѣрѣ половину своего величія; самый городъ подавляется огромными горами, окружающими его, базилика кажется «какимъ-то тощимъ шестомъ подъ шапкой пьерро, въ плохомъ каменномъ одѣяніи», внутреннее убранство напоминаетъ магазинъ старьевщика. Такія описанія тянутся на протяжении сотни страницъ, и вотъ заключеніе:

«Лурдъ—колоссальный госпиталь Святого Людовика на огромномъ праздникѣ въ Нейли; это—капля ужаса, пущенная въ бочку великой радости; онъ въ одно и то же время страданіе, шутовство и безобразіе. Нигдѣ не свирѣпствуетъ подобное низкосортное благочестіе, фетишизмъ, доходящій до писемъ до востребованія на имя Богоматери; нигдѣ еще сатанизмъ уродства не проявлялся съ большей силой и съ бѣльшимъ цинизмомъ».

То презрѣніе, которое выказываетъ Гюисмансъ къ бѣднымъ богомольцамъ, его пренебрежительные отзывы о святыхъ Лурда скорѣе напоминаютъ мнѣніе аристократа-туриста, чѣмъ вѣрующаго христіанина, какимъ долженъ выставить себя Гюисмансъ. Вѣра безъ любви къ ближнему, молитва безъ экстаза, строго корректное исполненіе обрядовой стороны религіи врядъ ли надолго могутъ удовлетворить мятущуюся душу писателя.

Мы думаемъ поэтому, что эволюція Гюисманса еще незакончена, путь, предназначенный ему рекомъ, еще не совершенъ. Если онъ не про-

никнется истиннымъ духомъ христіанства, не пойметъ своей ошибки, то скоро эта религія безъ жара разочаруетъ его, и онъ отшатнется отъ нея и снова отправится въ странствованіе, отыскивая идеаль, который долженъ возродить человѣчество.

Куда пойдетъ Гюисмансъ, на этотъ вопросъ, разумѣется, трудно отвѣтить. Мы можемъ только сказать, что социалистомъ или проповѣдникомъ социализма онъ никогда не станетъ — диктатура большинства, т. е. опять-таки толпы, ему ненавистна. Можетъ быть, подобно Зола, онъ увидитъ спасеніе человѣчества въ прогрессѣ науки, можетъ быть, превратится въ анархиста.

Ждать разрѣшенія вопроса, вѣроятно, придется недолго. Утомленіе и нѣкоторое разочарованіе сказываются въ немъ уже и теперь. Онъ и самъ въ одной изъ послѣднихъ главъ говоритъ: «*ge commence à être un peu las*» *).

А. Швыровъ.

*) Я начинаю немного утомляться.